

Небосвод сиял чистейшей лазурью, высокие облака казались легкими и прозрачными.

Высоко-высоко в вышине, мерно и слаженно рассекая воздух, летела стая диких гусей, выстроившись ровным клином в виде знака «жэнь»(人) — «человек».

Чанся опустил голову, перестав поглядывать на небо.

О том, что этот летящий клин похож на иероглиф «человек», он узнал еще в детстве от Пэй Яо. Знак был простым и понятным, оттого и запомнился сразу.

С семи лет Пэй Яо долгими зимними днями, когда в поле не было работы, ходил учиться в школу соседней деревни Чжаоли. Проучился он там до десяти лет, целых три года, и за это время узнал немало иероглифов.

В тот год, когда он только пошел учиться, времена всё еще стояли нелегкие, и семья Пэй едва сводила концы с концами.

Однако Пэй Юва рассудил, что сыну пора открывать ум. В их роду никто не знал грамоты: случись подписывать какую бумагу или договор — все стояли как слепые, и приходилось всякий раз кланяться грамотным односельчанам, прося о помощи, что было донельзя неловко.

Вот отец и затянул потуже пояс, собрал учителю плату за обучение и отправил Пэй Яо постигать грамоту.

Голова у парня была светлая, да только сам он рос непоседой и озорником. Благо перед наставником вел себя смирно и с уроками справлялся сносно, так что Пэй Юва и Чэнь Чжи не пришлось краснеть за него перед соседями.

В школе с этим было строго: не сможешь прочесть книгу наизусть или написать иероглиф — вмиг отведаешь бамбуковой линейки по ладоням, да еще и сверстники засмеют. А позора Пэй Яо терпеть не желал.

Правда, стоило ему выйти за порог школы, как вся его чинность улетучивалась. Мальчишки, собравшись гурьбой, то и дело затевали шум и гам, и Пэй Яо среди них был самым отчаянным заводилой, то и дело устраивая потасовки по дороге домой.

О каких-то высоких чинах и ученых степенях в семье Пэй никто и не помышлял.

С самого основания рода у них не водилось даже захудалых туншэнов в императорском Китае так называли соискателей, которые готовились или только сдавали экзамены на первую, самую низшую ученую степень (сюцай)] — все до единого были простыми крестьянами, гнувшими спину на земле. Им вполне хватало умения разобрать строчки в договоре да вывести свое имя.

Пэй Юва быстро понял, что великого таланта к наукам у сына нет: парень хоть и не был глуп, но и звезд с неба не хватал. Поэтому, едва Пэй Яо подрос и стал опорой в хозяйстве, учение его прекратилось.

В деревнях грамотные девушки или шуаньэры встречались редко. Пэй Юва и Чэнь Чжи принимали это как должное, так что у них и мысли не возникало учить Чанся грамоте.

Поскольку вокруг никто не умел читать, Чанся питал к учебе лишь легкое, мимолетное любопытство, смутно представляя, как устроен школьный класс.

В детстве, когда Пэй Яо принимался выводить на земле знаки деревянной палочкой, Чанся молча стоял рядом и наблюдал. Слушая, как мальчик бубнит себе под нос, он и запомнил, что эти две черточки означают «человек».

Позже, когда Пэй Яо стал учить сложные иероглифы, Чанся перестал понимать их, и его любопытство угасло само собой.

Чанся выудил из деревянного ведра карася. Рыбина длиной чуть больше ладони отчаянно забилась в его пальцах, быстро колотя хвостом по воздуху и брызгая водой во все стороны.

Эту рыбу вчера отдал Пэй Яо Ян Фэннянь — улов у того выдался знатный.

Чанся устроился на корточках во дворе, принимаясь чистить рыбу. Белый пес куда-то убежал, а старый верный пес разлегся возле поленницы, грея бока на солнышке.

Когда в доме резали кур или уток, старый пес всегда крутился рядом, выпрашивая лакомый кусочек, а вот к рыбе он почти не проявлял интереса.

Иной раз, когда улов бывал обильным и по всему двору разносился резкий речной дух, пес даже прикрывал нос передней лапой, всем видом показывая, как ему претит этот запах. Чэнь Чжи, замечая это, каждый раз со смехом журил его, приговаривая, что собака у них уж очень умная.

Очистив рыбу, Чанся собрал потроха в небольшое плетенное сито, унес на задний двор, мелко изрубил и выбросил в утиный загон.

С десятков уток тут же с кряканьем ринулись к еде, толкаясь и шумя. Среди них было несколько весьма упитанных птиц; Чанся подумал, не пустят ли одну из них на мясо к празднику Середины осени.

Сейчас дела у семьи пошли на лад, и они могли позволить себе покупать мясо раз или два в месяц. Брали понемногу — полцзиня или цзинь, — но этого вполне хватало, чтобы порадовать домочадцев.

Что же до целой курицы или утки, то их обычно кололи только к Новому году.

Впрочем, в прошлую Середину осени, когда тетя Пэй Ютан и двоюродная тетя Пэй Чайань приехали навестить родню с праздничными дарами, Чэнь Чжи велел Пэй Яо зарезать утку, и семья знатно попировала.

Обычно к концу года половину выращенных птиц увозили на продажу в поселок, чтобы выручить звонкую монету. Вторую половину оставляли еще года на два-три ради яиц, а весной покупали крошечных птенцов.

Старые куры и утки годились разве что на наваристый бульон, но мясо их становилось жестким и невкусным, так что городские жители покупать таких птиц не желали. К праздничному же столу всегда требовалось мясо жирное и нежное, чтобы перед гостями и родней не было стыдно за угощение.

Услышав во дворе какой-то шум, Чанся подхватил пустое сито и вышел.

Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоань вернулись с горы, притащив две полные корзины дикого годжи. Чанся тут же отставил сито в сторону, вынес из чулана бамбуковую циновку и расстелил её

прямо посреди двора.

Ярко-алые ягоды с тихим шорохом посыпались на соломку. Доу Цзиньхуа присела на край, аккуратно разравнивая плоды ладонями, чтобы они легли ровным слоем.

До ужина времени оставалось еще много, так что Чанся устроился рядом на корточках, принимаясь терпеливо выбирать из ягод сор, сухие веточки и листья.

*

В поселке Фуян цена на живых вьюнов подскочила до восемнадцати вэней за цзинь. Пэй Яо привез с собой больше трех цзиней, выручив за них ровно шестьдесят вэней.

В этот раз его деревянные миниатюры вышли на редкость яркими и живыми, а уж цветы в птичьем гнезде и вовсе приковывали взгляд.

Он долго ходил по улицам, зазывая покупателей. Прохожие то и дело останавливались, чтобы полюбоваться тонкой работой, однако парню пришлось обойти несколько кварталов, прежде чем овсянка и синица нашли своих хозяев.

Поскольку эти две поделки были краше прежних, Пэй Яо запросил за каждую по шестьдесят вэней, хотя втайне решил: если начнут сбивать цену, уступит и за пятьдесят.

Однако покупатель, с которым он перекинулся парой слов, оказался человеком нескупым и без долгих споров выложил один лян и двадцать вэней серебром.

Это был пожилой шуаньэр почтенного вида, гулявший с двумя внуками — мальчиком и девочкой лет четырех-пяти. Малыши, задрав головы, преданно заглядывали дедушке в глаза, ожидая заветную игрушку.

Одеты все трое были хоть и не в шелка, но в добротную, чистую одежду, из чего сразу было видно, что семья они зажиточная.

Пэй Яо спрятал монеты за пазуху и, опустив взгляд, заметил, что маленькая девочка смотрит на него своими огромными глазенками.

Стоило парню добродушно улыбнуться, как девчушка в смущении отвернулась, прикрыв рот ладошкой и тихонько захихикав.

Улыбка на лице Пэй Яо стала еще шире.

Сегодняшняя поездка принесла ему один лян и восемьдесят вэней. Настроение у него было отменное, и, проходя мимо лавки с выпечкой, он не поскупился и потратил тридцать вэней на десять ароматных слоеных лепешек.

Разыскав Пэй Жуна и Ян Фэнняня, он протянул каждому по горячему угощению, один съел сам прямо на ходу, а оставшиеся семь штук бережно завернул в промасленную бумагу. Подхватив пустое ведро и корзину, он устроился на телеге, и друзья покатали обратно в деревню.

*

Во дворе на циновке пылал багрянцем ковер из сушащихся ягод.

Едва Пэй Яо переступил порог дома, как следом за ним вошел Чанся, сгибаясь под тяжестью

полной корзины сочной травы для свиней.

Он ходил далеко за дом, к самой реке, выбирая места, где трава росла гуще и зеленее.

День стоял ясный, солнце светило вовсю, да и косил он неподалеку от родных мест, так что одинокая прогулка вовсе не казалась ему опасной или пугающей.

Доу Цзиньхуа отдыхала в комнате: ноги у нее на старости лет стали слабыми, и после каждого похода в горы ей требовалось время, чтобы перевести дух.

Чэнь Чжи, Пэй Юва и Пэй Цзаоань, пользуясь тем, что до большой осенней жатвы оставалось еще несколько дней, каждую свободную минуту бежали в лес.

Сейчас как раз созрела дикая дереза, и нужно было успеть собрать как можно больше ягод, чтобы после просушки выгодно сдать их в аптекарскую лавку.

Пэй Яо опустил на землю ведро и корзину, привычным движением помог Чанся снять с плеч тяжелый бамбуковый короб и кивнул на окно кухни, где лежал бумажный сверток:

— Я лепешек слоеных купил, там еще семь штук осталось, горячие. Мой руки да попробуй.

— Угу, — Чанся послушно кивнул и добавил: — Бабушка тоже дома.

Пэй Яо отвел взгляд от его лица, подхватил сверток и, направляясь к дому, громко крикнул в сторону восточной комнаты:

— Бабушка! Я лепешек привез!

— Ох, иду! — отозвалась Доу Цзиньхуа и вышла во двор прежде, чем внук успел переступить порог.

Откуда ни возьмись примчался белый пес. Вместе со старым псом они уселись прямо перед людьми, преданно уставившись на заветный сверток, и никакие окрики не могли заставить их сдвинуться с места.

Чанся и Доу Цзиньхуа устроились на табуретах. Поджаристые, золотистые лепешки еще не остыли: хрустящие снаружи и нежные внутри, сочные и в меру соленые, они пришлись по вкусу даже старушке, у которой почти не осталось зубов.

Лепешки были небольшими — тот, кто ел быстро, справлялся с угощением в два-три укуса.

Глядя, с каким аппетитом они едят, Пэй Яо, и сам отличавшийся завидным аппетитом, не удержался и сжевал еще одну. Оставшиеся четыре штуки он решил поберечь для папы и остальных.

Когда угощение закончилось, собаки разочарованно поплелись прочь. Белый пес при этом обиженно заскулил, словно укоряя хозяев за то, что ему не досталось ни крошки.

Пэй Яо зачерпнул ковшом воды, смывая с пальцев масло, и заметил:

— В следующий раз надо будет побольше купить, чтоб наесться от пуза.

В его годы парни растут быстро, и есть им хочется постоянно.

Видя, как проголодался её старший внук, Доу Цзиньхуа лишь ласково улыбнулась, не став ворчать.

Одна такая лепешка стоила три вэня, и за десять штук пришлось выложить целых тридцать. Если бы столько денег на пустяки потратил Пэй Юва, старуха, может, и промолчала бы, но втайне точно бы пожалела о трате. Но с внуком дело другое: молодой парень, тело молодое — захотелось вкусного, пускай побалуется.

Чанся же ел то, что давали, никогда не привередничая.

Покончив с угощением, бабушка с внуками немного посидели вместе, а после снова принялись за дела.

Доу Цзиньхуа устроилась в горнице за прялкой. Чанся, видя, что дело близится к вечеру, наравал в огороде овощей и присел на пороге кухни, принимаясь мыть и чистить их к ужину — как управится, надо будет сходить за травой еще раз.

Пэй Яо, припрятав вырученные деньги в восточной пристройке, вышел во двор. Завидев Чанся, он на миг замер, и лицо его приняло задумчивое выражение.

Пускай Чанся не был писанным красавцем, но если бы ему и впрямь пришлось взять в жены кого-то другого — какую-нибудь признанную деревенскую красавицу...

Он нахмурился, почувствовав, как внутри шевельнулось глухое недовольство.

Сколько бы он ни думал об этом, неясный, туманный образ идеальной красавицы в его мыслях раз за разом таял, уступая место знакомым чертам Чанся.

Их свадьба была делом решенным и естественным, ведь они были помолвлены с самых малых лет, и в доме даже хранилось брачное свидетельство.

Что же до его любви ко всему красивому — так тут и отпираться нечего, все люди на свете устроены так же.

Но, верно, оттого, что он с детства знал, что Чанся — его суженый, в разговорах с другими девушками или шуаньэрами у него никогда не возникало дурных мыслей. Ну, посмотрит разок-другой, только и всего.

Да и если говорить по совести, с Чанся ему было куда интереснее: тот рос смирным, молчаливым, и дразнить его было одно удовольствие — чуть что, парень сразу в слезы.

— Держи.

Чанся поднял голову и увидел перед собой крошечную деревянную собачку. Фигурка, едва занимавшая половину ладони Пэй Яо, была выкрашена в бледно-желтый цвет и крепко стояла на четырех лапках.

Она была на диво похожа на их старого дворового пса.

Чанся торопливо вытер руки о фартук, бережно принял подарок и долго рассматривал его, а в уголках его глаз расцвела теплая, с трудом сдерживаемая улыбка.

Пэй Яо весело вскинул бровь, губы его сами собой расплылись в улыбке. Все былые сомнения и думы вмиг улетучились из его головы, и теперь он смотрел только на одного человека.

— Нравится? — спросил он.

Чанся перевел взгляд на деревянную собачку, замялся на мгновение, но затем изо всех сил кивнул:

— Угу.

Сам он мастерить не умел — разве что мог сплести простую корзинку из травы для забавы. А такая вещица, пускай и бесхитростная, была до того милой, что не высказать словами.

В комнате Чанся, в маленьком сундучке, уже лежало несколько деревянных чурок. То были прежние, неудачные поделки Пэй Яо, которые тот бросал, едва заметив, что у них нет ни ладной формы, ни живого духа.

Пэй Яо собирался выбросить их в поленницу на растопку, но Доу Цзиньхуа пожалела труды внука, вытащила бруски и спросила Чанся, не пригодятся ли они ему.

Увидев, что его подарок пришелся по душе, Пэй Яо не смог скрыть ликования. Лицо его так и просияло:

— Нравится — и ладно! В следующий раз еще одну вырежу.

Чанся смотрел на игрушечного пса, и глаза его светились от радости.

Ему было жалко оставлять фигурку во дворе, так что он, немного повертев её в руках, поднялся и унес в свою комнату, аккуратно пристроив деревянную собачку у самого изголовья постели.

Пэй Яо невольно двинулся следом. В самую комнату он заходить не стал — лишь замер у порога, небрежно прислонившись плечом к косяку и скрестив руки на груди, наблюдая за каждым движением названного брата.

В горнице без умолку жужжала прялка. Доу Цзиньхуа слышала, что дети о чем-то толкуют, да только уши у нее с годами стали туги, и слов было не разобрать.

Старушка вытянула шею, заглядывая в коридор.

С тех пор как Чэнь Чжи при всей семье завела разговор о грядущей свадьбе, на душе у старушки стало беспокойно. Зная крутой нрав Пэй Яо и чрезмерную робость Чанся, она втайне опасалась, что молодые не уживутся вместе или что старший внук станет обижать сироту, а потому то и дело приглядывала за ними.

Но, слава предкам, старший внук за последнее время заметно прибавил ума.

Хоть характер у него по-прежнему оставался вспыльчивым, Чанся он не обижал, голоса на него не высил, да еще и баловал городскими гостинцами. Видать, и впрямь парень начал что-то понимать.

Семья у них была небольшая, Чанся вырос у них на глазах, все его привычки и нрав были известны до капли — не придется привыкать к чужому человеку в доме. Такой союз был во сто крат лучше, чем брать кого-то со стороны.

Старушка, понятное дело, всей душой желала, чтобы старший внук поскорее взял Чанся в супруги, а там, глядишь, и правнуков полон дом народится.

<http://bllate.org/book/17875/1731508>